

> МАТИС ТРАЛЪ >

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Путь
конквистадоров

Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г94

Художественное оформление серии *Н. Портяной*

Гумилев, Николай Степанович.
Г94 Путь конквистадоров / Николай Гумилев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-210690-3

В книгу вошли не только известные стихотворения Николая Гумилева (1886—1921), но и стихи из его ранних сборников, в частности «Пути конквистадоров», в котором уже зазвучали узнаваемые ноты авторского голоса. Поэзия Гумилева полна ярких образов, вдохновенных путешествиями, приключениями и жадной открытиям. В стихах ощущается дух странствий, тоска по неизведанному и бесстрашное стремление к познанию жизни во всех ее проявлениях.

Мужество, с которым человек преодолевает трудности, и интерес, толкающий его навстречу опасностям, — вот одна из главных тем поэзии Гумилева.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-210690-3

© Гумилев Н. Наследники. 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ДОСТОЙНЫЙ РАЯ

Судьба и поэзия Николая Гумилева

В том, как читалась и воспринималась в XX веке поэзия Николая Гумилева, много парадоксального.

Начнем с того, что при жизни (недолгой — всего тридцать пять лет) Гумилев успел завоевать уважение как мастер стиха, лидер поэтической школы, чуткий критик, неутомимый педагог, плодовитый переводчик. Но нельзя сказать, что он как поэт занимал в глазах читателя-современника исключительное место. За пределами творческого сообщества он и вовсе был мало известен. Суммарный прижизненный тираж всех книг Гумилева, считая переводы, не превысил 6 тысяч экземпляров (для сравнения: суммарный тираж, которым были изданы стихи его жены Анны Ахматовой до ее 35-летия, — 70 тысяч).

Слава Гумилева началась вскоре (а по существу — сразу же) после его гибели в августе 1921 года. Как известно, Гумилев был расстрелян ЧК в качестве участника антисоветского подполья. В начале 1920-х это не означало автоматического запрета на издание его стихов, но уже через лет несколько книги Гумилева перестали выходить, а стихотворения включаться в антологии. Познакомиться с поэзией Гумилева можно было только по старым изданиям, которые продолжали продаваться в букинистических магазинах, но стоили достаточно дорого. Запрет был снят только в столетнюю годовщину со дня рождения поэта, в 1986 году. И тем не менее мало кто из лириков Серебряного века был так популярен в СССР и оказал такое влияние на советскую поэзию.

Но эта слава, продолжающаяся поныне, имеет и отрицательные стороны. Широкий читатель и читатель-профессионал зачастую выбирают у Гумилева разное. В личности, судьбе, творчестве поэта было много внешне эффектного, и это поневоле отвлекает внимание читателя от подлинных

гумилевских свершений. Именно это и имела в виду Ахматова, говоря о том, что Гумилев «самый непрочитанный поэт». Конечно, во многом это определение уже устарело. Работы Е. Е. Степанова, Р. Д. Тименчика, Ю. П. Зобнина, В. А. Петрановского, Н. А. Богомолова, О. А. Лекманова и других исследователей помогли многим читателям увидеть лицо поэта Николая Гумилева во всей его сложности и многомерности.

Попытаемся же проследить его творческий путь, неотрывный от богатой событиями человеческой биографии.

Николай Степанович Гумилев родился в Кронштадте 3 апреля 1886 года в семье корабельного врача Степана Яковлевича Гумилева и его второй супруги Анна Ивановны. По отцу предки Гумилева принадлежали к духовному сословию, причем дед поэта почему-то не принял сана и остался дьячком-псаломщиком. Степан (Стефан) Яковлевич, однако, сумел выбиться в люди — закончил университет, дослужился на флоте до статского советника, был награжден несколькими орденами, в том числе орденом Святого Станислава 2-й степени, дающим потомственное дворянство. Мать происходила из бедной боковой ветви старинного дворянского рода Львовых. Уже в зрелые годы Гумилев и его семья проводили немало времени в Слепневе, небольшом имении в Тверской губернии, которым Анна Ивановна владела вместе с двумя своими старшими сестрами и которое никакого дохода, конечно, не приносило.

Вскоре после рождения Николая его отец, человек уже немолодой, вышел в отставку, и семья покинула сырой и ветреный Кронштадт. Раннее детство поэта прошло в Царском Селе, потом несколько лет в Петербурге (где он учился в частной гимназии Гуревича). 1900—1903 годы Гумилевы провели в Тифлисе (это связано было с легочным заболеванием старшего сына, Дмитрия). Именно впечатления от Грузии, от кавказской природы разбудили в Гумилеве, по собственному его признанию, поэта. Первое его стихотворение было напечатано 8 сентября 1902 года в газете «Тифлисский вестник». Это был еще очень слабый опус, состоящий из общих мест массовой поэзии конца XIX века.

Вернувшись в Европейскую Россию, Гумилевы поселились (на сей раз — надолго, на годы) в Царском Селе. Трудно

переоценить влияние этого обстоятельства на жизнь и биографию Гумилева. Влияние, впрочем, было неоднозначным, противоречивым. Не стоит идеализировать Царское Село начала XX века. С одной стороны, это был «город муз», где живы были воспоминания о Пушкине и его лицейских товарищах, о Державине, Карамзине, Пушкине, о екатерининской и александровской эпохах. С другой, город был населен дворцовыми служащими и отставными чиновниками. Для большинства этих людей характерны были узость интересов и консерватизм, не только политический, но и эстетический. Любые проявления эксцентричности и «декадентства» встречали здесь насмешку. Между тем Николай Гумилев как раз недавно открыл для себя философию Ницше и «новое искусство». Он становится подписчиком основанного в Москве под редакцией Валерия Брюсова журнала «Весы». В его стихах, все более формально совершенных, чувствуется влияние модных поэтов-символистов — Брюсова и Бальмонта. Естественно, эти увлечения некрасивого, житейски неловкого да и не блестящего учебными успехами юноши стали поводом для недобрых шуток.

Но Гумилев довольно быстро нашел близких по духу людей. Уже в декабре 1903 года происходит его первая встреча с 14-летней гимназисткой Аней Горенко, которой суждено было войти в историю литературы как Анна Ахматова. История любви Гумилева к Анне — отдельный и сложный сюжет. Как известно, в 1910 году она — после многочисленных разрывов и примирений, разлук и встреч — стала его женой. Брак этот не был счастливым в житейском смысле (несмотря на рождение в 1912 году сына Льва) и окончательно распался в 1918 году. Этого нельзя сказать о творческом союзе и диалоге двух больших поэтов. Начался он в середине 1900-х годов в Царском Селе, когда Николай и Анна входили в узкий кружок молодежи, увлеченной «новым искусством». Они знали, что к числу адептов того, что обыватели называли «декадентством», относится и директор Царскосельской гимназии Иннокентий Федорович Анненский, знали, что он пишет стихи, но, конечно, не догадывались о масштабах его дара.

Позднее Гумилев включал Анненского в число своих учителей. Но все-таки — при всей личной симпатии! — различия

между творческими индивидуальностями поэтов были слишком велики. Певец трагически разорванного, кровоточащего мира, Анненский никогда не был близок Гумилеву по духу. Потому уже в эти годы для него важна была переписка с другом, заочным учителем — Валерием Брюсовым.

Уже в первой книге Гумилева, изданной в 1905 году за свой (то есть, собственно, за родительский) счет, есть (наряду с общесимволистскими клише и наивным нищестановом) некие зачатки его поэтического космоса. Прежде всего это относится к тем трем стихотворениям, которые поэт позднее счел возможным, правда, в переработанном виде, перенести во второе издание книги «Романтические цветы», включив, таким образом, в свое «основное собрание» — «Сонет» («Как конквистадор в панцире железном...»), «Баллада» («Пять конец подарил мне мой друг Люцифер...» — в «Пути конквистадоров» входит в цикл «Сказка о королях») и «Оссиан». Мужественная, волевая интонация здесь от Брюсова. Но если лирический герой брюсовской поэзии — «маг», стоящий над миром, то уже в первой книге Гумилева появляется образ иного героя — борца и странника.

Период человеческого и творческого взросления Гумилева пришелся на 1906—1908 годы, в основном проведенные в Париже. Молодой поэт слушает лекции в Сорбонне, активно переписывается с Брюсовым (которому посылает все свои новые стихи) и пытается установить связи с появляющимися в Париже на то или иное время вождями русского модернизма. Попытки эти, увы, оказались не слишком успешными: Бальмонт встретиться с юношей не пожелал, а Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус обошлись с ним так же оскорбительно-высокомерно, как царскосельские обыватели. Гумилеву суждено было испытать на себе участь андерсоновского гадкого утенка. Прежде чем стать лебедем, он испытал немало унижений. Но они лишь закаляли его характер. Постепенно он избавлялся от позерства, юношеской манерности, склонности мелодраматизировать свои переживания. Все это давалось ему непросто. Эмоциональным фоном этих лет были драматически развивавшиеся отношения с Анной Горенко (которая в 1905 году по семейным причинам вынуждена была уехать из Царского Села и жила с матерью, сестрами и братьями в Киеве и Севастополе).

В Париже Гумилев (благодаря общению с семьей знаменитого антрополога Деникера, родственника Анненского, и посещению музеев) открывает для себя африканскую культуру. В ней Гумилева привлекала не экзотичность, как казалось многим, а близость к миру древнейших, базовых, укорененных в архаических пластах культуры человеческих переживаний, которые с годами стали главной темой и главным мотивом его поэзии. Впоследствии он совершил четыре путешествия в Африку, очень разных — от чисто туристической поездки в Египет (1908) до серьезной этнографической экспедиции в неисследованные области Абиссинии, спонсировавшей Академией наук¹. Пока что, в 1906–1907 годы, он видел африканский берег лишь с палубы парохода по пути в Париж, после посещений России. Возможно, во время одной из таких поездок он сходил на берег, и, возможно, именно тогда состоялась та «инициация» в каирском саду Эзбекие (Узбекии), которую он описал в стихотворении десятилетие спустя:

И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти — жизнь! Прими, Господь,
Обет мой вольный: что бы ни случилось,
Какие бы печали, униженья
Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекии».

Африканские мотивы присутствуют в нескольких стихотворениях 1907 года («Невеста льва», «Озеро Чад»). Конечно, Гумилев еще далек в них от той реалистической, этнографической конкретности «Абиссинских песен» (1911) или некоторых стихотворений книги «Шатер», отразивших его личный опыт и личные впечатления. Но одно из африканских стихотворений той поры прославилось и стало в своем роде «визитной карточкой» Гумилева-поэта. Это «Жираф», проникнутый истинным, хотя и не самым глубоким лиризмом:

¹ Спутником Гумилева в этой экспедиции, продолжавшейся с 4 июня по 28 июля 1913-го, был его племянник Николай Леонидович Сверчков (1894–1919). Собранные ими материалы находятся в Санкт-Петербургской Кунсткамере.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вояды,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

Не случайно именно это, такое яркое, стихотворение быстро стало объектом пародий — не всегда доброжелательных, как, например, принадлежащая гимназическому товарищу Гумилева Дмитрию Коковцеву:

Я знаю веселые сказки про страсть обезьян,
Про двух англичанок, зажатых хмурым воем,
Но в платье твоём я сегодня заметил изьян,
Ты вымокла вся под холодным осенним дождем.

Выход в 1908 году «Романтических цветов», совпавший с возвращением из Парижа, означал конец ученичества. Лучшие из стихотворений, написанные в конце 1907-го и в течение 1908 года («Волшебная скрипка», «Молитва», «Заводи», «Основатели», «Выбор», «Лесной пожар», «Ворота рая»), принадлежат уже к характерным и удачным образцам гумилевской лирики. В этих стихах нет ни брюсовского выпяченного напора, ни мистицизма, характерного для «младших символистов». Но было бы ошибкой сводить авторскую задачу к достижению холодного пластического совершенства. Гумилева теперь привлекает не «сверхчеловеческое» и не трансцендентальное, а человеческое, земное в его древней первооснове. Его увлекает мир сказки, притчи, красочного мифа. Издержки же поэтики проявляются в том, что в поэзии Гумилева в этот период все еще много наивной и поверхностной декоративности. И именно такие, не самые глубокие стихи иногда вызывали и вызывают наибольший читательский отклик.

Вот, например, один из шедевров раннего Гумилева — «Заводи»:

...Сонно дрогнул камыш,
Пролетела летучая мышь,
Рыба плеснулась в омуте...
... И направились к дому те,
У кого есть дом
С голубыми ставнями,

С креслами давними
И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе
Смотреть на сонную заводь,
Где днем так отрадно плавать,
А вечером плакать,
Потому что я люблю Тебя, Господи.

Здесь все достойно восхищения — и стиховое мастерство, и точность интонации, и глубина (а в то же время непосредственность) поэтической эмоции. Но это стихотворение не удостоилось и малой доли популярности, которую получил цикл «Капитаны» (1909) — обаятельный в своем роде поэтический аналог приключенческой беллетристики для юношества.

Вернувшись из Франции, Гумилев ведет активную литературную жизнь, прерываемую поездками в Абиссинию. Он постоянно бывает в квартире поэта Вячеслава Иванова на Таврической улице — на «Башне», где каждую среду собираются петербургские интеллектуалы. В 1909 году он участвует в основании литературно-художественного журнала «Аполлон».

Между тем как раз в эти годы русский символизм переживает глубокий кризис. В ходе дискуссий 1910–1912 годов, в которых участвовали Вячеслав Иванов, Брюсов, Блок, Андрей Белый, выяснилось, что само понятие «символизм» его ведущие участники понимали по-разному. Для Брюсова, Бальмонта, Сологуба это был лишь художественный метод, позволявший раскрыть тонкие, не поддающиеся рациональному описанию ощущения; для Иванова, Белого, Блока символизм был методом постижения тайн бытия, ключом к преобразению мира. Многие мэтры символизма чувствовали истощенность символистской эстетики. Еще в большей мере это ощущали писатели символистского круга, дебютировавшие в 1905 году и позже.

В этой ситуации и Гумилев все больше ощущает необходимость отойти от наследия своих учителей, открыть новую, собственную страницу истории русской поэзии. В конце 1911 года возникает группа акмеистов и более широкое объединение — Цех Поэтов. Участниками Цеха, собиравшегося у Гумилева и Ахматовой в Царском Селе, были и поэты,

не порывавшие с символизмом (например, близкий друг Гумилева Михаил Лозинский, впоследствии прославившийся как переводчик). На первом заседании Цеха был Александр Блок, появился и будущий великий футурист Велимир Хлебников. Одно время деятельным участником Цеха Поэтов был Николай Клюев, будущий основатель группы «новокрестьянских» поэтов. Авторы разного направления печатались и в издававшемся Гумилевым, Лозинским и Сергеем Городецким (в недавнем прошлом — символистом, соратником Вячеслава Иванова, а теперь — одним из двух, наряду с Гумилевым, «синдиком» Цеха Поэтов) журнале «Гиперборей». Но сама группа акмеистов была более узкой. Кроме Гумилева и Городецкого, в нее вошли Ахматова (которая как раз в 1910—1911 годы всерьез заявила о себе как о поэте — тогда же появился псевдоним, под которым она прославилась), Осип Мандельштам (впоследствии один из величайших поэтов XX века, а в это время — еще начинающий, двадцатилетний), Владимир Нарбут и Михаил Зенкевич.

Название группы было во многом случайным. Слово «акме» (вершина, расцвет) было взято из наугад раскрытого словаря. Идеология новой школы раскрывалась в статьях, написанных в 1912—1913 годы Гумилевым, Городецким и Мандельштамом. Гумилев в Статье «Наследие символизма и акмеизм» формулирует принципы нового течения так:

«...Высоко ценя символистов за то, что они указали нам на значение в искусстве символа, мы не согласны приносить ему в жертву прочих способов поэтического воздействия и ищем их полной согласованности.

<...>Для нас иерархия в мире явлений — только удельный вес каждого из них, причем вес ничтожнейшего все-таки несоизмеримо больше отсутствия веса, небытия, и поэтому перед лицом небытия — все явления брата.

<...>Смерть — занавес, отделяющий нас, актеров, от зрителей, и во вдохновении игры мы презираем трусливое заглядывание — что же будет дальше? Как адамысты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению.

<...>Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками — вот принцип акмеизма».

Акмеистические установки у Ахматовой проявились в конкретности воплощенного в ее ранней поэзии эмоционального опыта. У Мандельштама — в пафосе тяжести, вещественности, рукотворности, пронизывающем его стихи 1912–1915 годов. У Нарбута — в густом бытовом натурализме. Что касается Гумилева, то бросается в глаза контраст между «Жемчугами» и следующей книгой, «Чужое небо» (1912). В стихах Гумилева появляются теперь очень исторически и этнографически конкретные герои (дряхлый паломник Ахмед-Оглы, «туркестанские генералы», простодушные и лукавые абиссинские крестьяне).

Манифестом нового периода в творчестве Гумилева становится стихотворение «Современность»:

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле пароходных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.
Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты.

Эти строки пересекаются со многими стихотворениями Редьярда Киплинга, поэта, с которым Гумилева часто упоминают рядом и который близок ему скорее идеологически, чем эстетически. Подобно Гумилеву, Киплинг воспевал «сильных людей», солдат, путешественников, авантюристов, не стесняющихся проявлять свою власть над миром и навязывать свою волю другим, но при том несущим на своих плечах все тягости обыденного человеческого существования — «детей Марфы», которых поэт противопоставляет возвышенным и праздным «детям Марии»¹. Такой же выбор делает Гумилев. Он противопоставлен свойственному «декадентам» 1890–1900-х годов презрению к обывателю и его судьбе, культу свободного ото всех житейских обязательств художника-«мага». Для акмеистов труд поэта также был священен — но это был именно *труд*, подобный труду средневекового ремесленника (отсюда само слово

¹ Имеются в виду персонажи евангельской притчи: Марфа, «пекущаяся о многим» и Мария, «избравшая благу часть».

«цех») или (акмеисты часто прибегали к этой аналогии) каменщика, строящего готический собор. (Можно воспользоваться мандельштамовской формулой: «Красота — не прихоть полубога, а хищный глазомер простого столяра».) Поэт-мастер, в отличие от поэта-мага, обречен нести тяготы жизни наравне со всеми.

Акмеистическая эстетика была неразрывно связана с этикой. В одном из своих итоговых стихотворений — «Память» (1920) Гумилев строго судит свою доакмеистическую молодость:

... любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир.
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.
Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

В этом смысле африканские путешествия, сопряженные с ежедневными лишениями, были для него принципиальны. Еще более принципиален был добровольный уход в августе 1914 года на войну. Патриотический аффект захватил в те дни большинство поэтов. Некоторые пытались уйти на фронт добровольцами, другие позднее были призваны, но в итоге лишь двое (Гумилев и Бенедикт Лившиц) добрались до действующей армии. Между тем Николай Степанович был еще в 1907 году освобожден от военной службы из-за косоглазия. Его участие в войне было вполне добровольным.

Гумилев, как человек с незаконченным высшим образованием¹ и доброволец, имел звание вольноопределяющегося — привилегированного солдата. Он начинал службу в уланском кавалеристском полку, с сентября 1914-го по март 1915-го находился на боевых позициях в Восточной Пруссии и Польше, получил два Георгиевских креста и был произведен в унтер-офицеры. Но затем начавшееся воспаление почек (а надо сказать, что Гумилев вообще не отличался богатырским здоровьем) заставило его вернуться

¹ В 1908—1914 годы он учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, но диплома не получил.

в Петербург. В начале июня он вновь на фронте, а осенью был командирован в школу прапорщиков. После производства в первый офицерский чин в марте 1916-го он был направлен в другой полк — Александрийский гусарский. Но вскоре служба вновь была прервана болезнью (на сей раз это был бронхит). В начале 1917-го полк был расформирован. Гумилев (которому предстоял перевод в пехотный полк разлагающейся на глазах армии) воспользовался возможностью отправиться в составе русского контингента в Салоники (в Грецию). До Салоник он, однако, не доехал. После короткого пребывания в Лондоне (где ему довелось познакомиться с классиками английской литературы — У. Йейтсом, Г. Честертоном) поэт находит службу в Париже — офицером для особых поручений (фактически секретарем) при военном представителе Временного правительства. С тревогой следя за событиями на родине, он думает о том, чтобы выписать за границу Ахматову и сына. Однако из этих планов ничего не вышло, и в начале 1918-го Гумилев вернулся в уже советскую Россию.

Таковы были внешние обстоятельства. О том же, как менялось отношение поэта к войне, говорят его стихи (а также фронтовые репортажи для «Биржевых ведомостей» — «Записки кавалериста»). Эйфория первых военных месяцев вылилась у него в таких бравурных и поверхностных стихах, как «Наступление», но далеко не только в них. Война показала ему (и не ему одному) знаком очищения, обновления мира.

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокошущей трубе побед.

Как могли мы... но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благодно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Речь идет о пафосе опасности, борьбы, героической жертвенности, приподнимающем человека над собой, открывающим ему древнюю и вечную правду.